

Черствость и сила — спутники смерти.

*Из кинофильма «Сталкер»
(режиссер А. Тарковский,
сценарий братьев Стругацких)*

Но больше всего я боюсь тьмы, потому что
во тьме все становятся одинаково серыми.

*Братья Стругацкие
«Трудно быть Богом»*

Новый год

Президент закончил поздравительную речь, кремлевские куранты стали отбивать полночь, и в страну вместе с гимном, льющим из миллионов телевизоров, пришел Новый год. Традиция! Лет ей больше, чем мне. И она создает иллюзию постоянства и спокойствия.

Мы с женой и детьми обожаем Новый год, а этот, наступивший, — особенно. Причина тому проста: каким-то мифическим образом мне не нужно было идти на дежурство в реанимацию ни 31 декабря, ни, что было бы еще хуже, первого января! И я даже (о чудо!) неожиданно оказался в небольшом отпуске, совпавшем с новогодними бесконечными каникулами, когда все нормальные люди по всей стране заслуженно отдыхают, а сотрудники больниц «Скорой помощи» работают в авральном режиме. Причем горячая пора начинается уже с середины декабря, когда всю страну, словно эпидемия, накрывает волна корпоративов...

Новогоднюю ночь разрывали вспышки и грохот салютов и фейерверков, а забытый дома телефон, вероятно, не умолкал от звонков и сообщений. Мы всей семьей пошли гулять, чтобы внести свою лепту в праздничную канонаду, а вернувшись и уже лежа в кровати, я стал методично отвечать на многочисленные поздравления.

Одно из сообщений привлекло мое внимание. Это было послание от Арсения Строганова: «Срочно позвони мне! Или напиши. Но лучше — звони!» Кстати, от него же было пять неотвеченных вызовов. Решив, что он просто хочет поздравить нас с Новым годом, я отправил ему коротенькое послание: «И тебя с праздником!» Надо ли говорить, что тут же раздался звонок...

— Привет, ты на работе? — деловито поинтересовался он, заставив меня напрячься. Обычно после такого вступления следовал вопрос: «Не поступал ли к тебе в реанимацию некто...» или: «Не лежит ли в реанимации такой-то...».

— Нет, я дома. Кстати, с Новым годом тебя! — добавил я как можно душевнее.

— Да, спасибо, — быстро ответил мой любезный друг. — Это хорошо, что ты не работаешь! — искренне обрадовался он. — А когда тебе на работу?

— Строганов! — гаркнул я в трубку, разбудив заснувшую уже жену. — Какого черта ты хочешь? Ты в курсе, что сегодня Новый год? А я вообще в отпуске!

— Прекрасно! — нараспев ответил он. — Я так этому рад, ты себе не представляешь! Это просто чудо какое-то!

— Ты про праздник? — хмуро поинтересовался я, чувствуя, как сон с меня слетает.

— Да! Я тебя поздравляю! — раздался из динамика его возбужденный голос. — Меня наняли расследовать такое жуткое дело! Такого у нас еще не было! Мы едем ловить маньяка!

* * *

Остаток ночи я спал очень беспокойно. И причиной были не празднующие на лестнице соседи, не взрывы за окном, а ночной кошмар. Мне снилась работа: я принимал пациентов, болеющих так называемой «пьяной травмой», мне мерещился Строганов в хирургическом костюме и медицинских перчатках, с которых капала кровь, и кричащая на него санитарка — кровь капала на только что вымытый пол.

Наутро я решил, что все-таки традиция поедать ночью салат оливье хороша до поры до времени. В пророческие сны я не верю.

1 января, среда

Утром я стойко выдержал вопросительные взгляды жены. День мы провели на улице, строя крепости и играя в снежки с детьми, а вечером, сразу после ужина, за которым мы смотрели «Обыкновенное чудо», вновь раздался телефонный звонок. «Надеюсь, не с работы», — пробормотал я, отправляясь в комнату за звонящим телефоном. «Надеюсь, не Арсений!» — крикнула мне вдогонку жена.

— Как поживаешь? С праздником тебя! — ворвался мне в ухо радостный голос Строганова. — Ты сейчас чем занят? — И, не давая возможности ответить: — У меня отличная новость! Завтра мы едем *во Тьму!*

— Слушай... — тихо и примирительно начал я, но вдруг заметил свое отражение в зеркале: поллица свело судорогой... кажется, это называется гемиспазм... — Спасибо за поздравления... э-э... но я сейчас в отпуске, понимаешь?

— Да, ты говорил! — вставил он. — Вот и хорошо, не надо будет дни за свой счет брать. Кстати, деньги у меня есть, если что!

— Слушай, — голос мой стал жестче, а судорога трансформировалась в гримасу, — я специально взял отпуск, чтобы его провести с семьей. Мы отдыхаем дома, понимаешь?

Повисло короткое молчание.

— Разумеется, понимаю! — наконец ответил Арсений. — Новый год, семья, елка, Дед Мороз. Что я, ненормальный, что ли? Конечно, я все понимаю! Извини, что я тебя вчера и сегодня потревожил!

Я расслабился и даже немного пожалел своего друга — он же на меня рассчитывал, а я не смогу ему помочь. К тому же это большая редкость — извиняющийся Строганов...

— Но это не проблема, — продолжил он. — Я поеду туда завтра, а ты — послезавтра утром. Тебе суток хватит для семейного отдыха?

— Нет! — ответил я резко.

* * *

«Не поеду я ни в какую тьму, — подумал я. — Не хочу исполнять поручения чужого безумия...»

Строганов до утра никак не проявлялся. Вероятно, обиделся. И даже моя жена успокоилась, решив, что на этот раз Арсений поедет расследовать дело один.

2 января, четверг

Но на следующее утро, 2 января, я получил от него фотографию какой-то симпатичной улыбающейся девушки. Решив поначалу, что он таким способом хочет познакомить меня со своей новой подружкой, я отправил в ответ смайлик с поднятым большим пальцем — типа, здорово! Затем, подумав, я написал ему: «Извини, что на этот раз не смогу тебе помочь! Удачи!» Через некоторое время я получил еще фото с той же девушкой. Видимо, с празднования ее дня рождения: компания молодых ребят и девушек держали транспарант с ее портретом и подписью: «Лучшая журналистка на Земле!», а вокруг сердечки и воздушные шарики...

Я никак не стал комментировать фотографии, потому что у меня закралось подозрение. Нехорошее такое подозрение. Я знал Строганова, и то, что он так быстро сдался, могло обмануть кого угодно, но не меня. Подозрения переросли в уверенность, когда я получил еще одну фотографию...

Там была могила. Вероятно, свежая, поскольку она была вся в живых цветах, а вокруг лежал снег.

Горели свечечки, стоял портрет... Мне даже не нужно было увеличивать снимок, чтобы понять, чей это портрет и чья это могила!

Конечно, он сфотографировал могилу этой несчастной девушки! Умершей, как я был уверен, насильственной смертью. «Вот гад! Психолог доморощенный!» — подумал я про Строганова. И, разозлившись, послал ему короткое сообщение: «Гад!»

Тут же пришел ответ: «Согласен! И он до сих пор ходит на свободе!»

— Да чтоб тебя! — сказал я вслух.

«Сам знаешь, маньяк не останавливается, его можно только остановить!» — пришло еще одно письмо.

Я покачал головой. Рано я пожалел Строганова.

«Доктор! Встань на место родителей жертвы!» — снова его сообщение, после которого пришло еще с десятков фотографий. Первым моим желанием было удалить их, даже не глядя. Но я все же полистал их, а затем стал рассматривать более внимательно.

Где он смог их раздобыть? Я был поражен. Это были фотоматериалы судебно-медицинской экспертизы — все этапы вскрытия трупа!

Первое фото — перед началом вскрытия: труп девушки на секционном столе. Вначале я не увидел ни следов травм, ни синяков, ни переломов. А также ни катетеров, ни дренажей или трубок, которые оставляют, когда человек умирает в больнице. Отравление? Возможно. Но лицо слегка синюшное, одутловатое. Я увеличил фотографию, чтобы рассмотреть шею, — и тогда стали заметны два кровоподтека с обеих сторон. Значит, ее задушили. По-

этому и лицо так выглядит. Причем душили двумя руками. Довольно профессионально. Скорее всего, убийца это делал не в первый раз. Поскольку кровоподтеков было только два и они были четкие — это означало, что девушка не сопротивлялась и руки убийцы не смещались. Он (вероятно, мужчина, и в хорошей физической форме) схватил ее шею так, что большими пальцами сдавил сонные артерии, прижав их к позвоночнику. Судя по тому, что вокруг нет ни ссадин, ни кровоизлияний, смерть была быстрой... Интересно, а отпечатки пальцев сумели снять?

Больше вроде бы следов травм на лице и теле не было. Хотя, конечно, на фотографии можно и не заметить. Затем шли снимки, сделанные уже во время вскрытия. Я не стал их смотреть, а просто позвонил Строганову.

Вначале я высказал ему все, что о нем думаю: что он эгоист, ненормальный, что совершенно он во мне не нуждается, что даже если бы я и хотел поехать с ним, то не мог бы, потому что очень хочу провести время с семьей... и так далее...

— Могила совсем свежая? — хмуро спросил я молчавшего все это время Арсения. — Когда ее убили-то?

— Месяц назад, — с готовностью ответил он.

— Пф! Прошел месяц... — начал было я.

— Когда мы начали искать Маргариту Сердюкову, тоже месяц прошел, — напомнил он мне.

— Я имею в виду, — вздохнул я, — что спешки нет. Можно поехать и через неделю.

— Как это нет? Через какую неделю? — возмутился нетерпеливый Строганов. — Я не могу ждать...

— Слушай, а зачем я тебе вообще нужен? — Тут я вспылел. — Ты у нас — гений, а я — простой доктор. Честно тебе говорю, без подколов: ты справишься без меня!

— Да, — спокойно ответил мне Арсений. — Я раздумывал над этим вариантом. Поехать одному. Но! Ты же знаешь, у меня всегда столько идей, столько теорий и версий — словом, иногда меня заносит! И тут мне нужен ты! Типа, как якорь, который не дает мне оторваться от земли.

— Якорь тебе в одно место... — тихо сказал я.

— Доктор! Для благородного мужа прежде всего Долг и Достоинство! Так говорил Фандорин! — радостно заорал этот гнусный тип. — Твои дети будут тобой гордиться! К тому же мы спасем мир от ядовитой гадины, которая...

Я не стал дослушивать пламенные речи и прекратил разговор.

Я сдержал слово и провел этот день с семьей: прогулка на лыжах, игры с детьми, новогодние фильмы... Но мысленно я все время возвращался к тем фотографиям: улыбающаяся красивая девушка, свежая могила в цветах, труп на секционном столе... Я думал о несчастных родителях — смогут ли они продолжать жить дальше, да и есть ли в этом смысл?

Нетерпеливый Строганов поехал *во Тьму* один. Кстати, Тьма оказалась поселком в Ленобласти, где и убили несчастную девушку. Вечером он уже позвонил мне оттуда с поручением: встретиться у метро

с каким-то субъектом и забрать у того мелкий пакет. В этой просьбе я не смог ему отказать.

Читая перед сном Александра Грина, я наткнулся на фразу: «Все, что изменяет нашу жизнь, — не случайность. Оно в нас самих и ждет лишь внешнего повода для выражения действием».

3 января, пятница, 07:40

С небольшим чемоданом я брел в сторону метро, чтобы доехать до вокзала и успеть на электричку, которая за полтора часа должна была доставить меня в поселок Тьма.

На улице было еще темно, легкий морозец пощипывал нос, проезжали редкие маршрутки, а дворники уже расчищали тротуары от выпавшего за ночь снега. Около «Черной речки» я встретил казачий патруль и полицейских. У лошадей шел пар изо рта, одна смешно фыркала, другая била копытом. Полицейский — в широких очках цвета металлик (вероятно, примерзших к нему) с системой для идентификации лиц — вперил в меня свой взгляд. Поскольку было раннее утро, когда все нормальные люди еще (или уже) спят, то понятно, что бодрствующий тип вроде меня вызвал у них подозрение, как и мой чемодан на колесиках.

К счастью, система опознавания не признала во мне преступника, а в чемодане не обнаружилось ничего запрещенного, и даже тот самый небольшой пакет, который я вез для Арсения, не заинтересовал